

Глава 22. От трелей соловья — к шелесту, скрипу и грохотанью¹

1. Введение

Одним из наиболее интересных аспектов типологического изучения животных звуков, как показано во многих разделах настоящей монографии, являются их метафорические переносы в другие семантические зоны. Однако сдвиги значения звуковых предикатов далеко не ограничиваются глаголами, ассоциирующимися с животными. Не менее богата переносами и еще одна область звуковых предикатов — глаголы, обозначающие звуки неодушевленных предметов (ср., например, звон колокольчика, скрип двери, хруст веток, гром и др.).

В то же время звуки неодушевленных объектов в сравнении со звуками животных имеют и существенное отличие, касающееся организации исходных значений соответствующих глаголов. Дело в том, что звуки животных образуют достаточно компактный и хорошо структурируемый класс. Естественным ключом к классификации и, соответственно, межъязыковому сопоставлению этих предикатов выступают животные, которые производят тот или иной звук. Именно этот параметр является основным для характеристики их исходной семантики. Соответственно, главный вопрос сопоставительного изучения базовых значений этих глаголов состоит в том, каких животных тот или иной язык «объединяет» в одном звуковом глаголе. Так, можно легко сравнивать глаголы, выражающие в разных языках звуки лягушки — описывая, к звукам каких еще животных они могут отсылать².

Зона звуков неодушевленных предметов устроена гораздо сложнее — не только потому, что объектов-источников звука в данном случае несравнимо больше (соответственно, для них нельзя задать хоть сколько-нибудь исчерпывающего списка, как это

¹ Исследование тегинского говора хантыйского языка поддержано грантом РФФИ № 13-06-00884. Исследование ижемского диалекта коми-зырянского языка поддержано грантом РГНФ № 14-04-00476а.

² Более одного предиката, как показано в настоящей монографии, языки используют для культурно значимых животных — например, в европейских языках для звуков собаки и кошки — в отличие, скажем, от лягушки (ср. о собаке во французском *aboyer, japper, gémir, gronder*). Но и в этом случае базовая семантика глагола задается прежде всего типом животного, а на него уже могут накладываться дополнительные характеристики, в частности, «эмоции», выражаемые данным звуком.

фактически делалось для животных), но и потому, что тип издаваемого звука здесь в значительной степени зависит от ситуации, приводящей к звучанию объекта (по-скольку очевидно, что, в отличие от животных, неодушевленные объекты производят звук по большей части в результате внешнего воздействия). Иными словами, в случае животных звуковая ситуация, как правило, задается одним параметром — собственно типом животного, тогда как в случае неодушевленных объектов тип звучания может определяться целым набором разнородных параметров.

Данное различие проявляется и при исследовании семантических переходов. Действительно, построение типологии в этой области предполагает поиск частотных моделей сдвигов, т. е. пар исходных и производных значений. Для звуков животных достаточно проверить, какие переносы развивает глагол, соответствующий тому или иному животному, например, лошади. Иными словами, тип животного выступает ясной основой для сравнения метафорических моделей в разных языках — в этом случае для обнаружения сходств и различий достаточно сосредоточиться на производных значениях. Иначе обстоит дело со звуками неодушевленных объектов. В этой зоне требуется сначала понять, какая семантика служит отправной точкой для развития переносного значения, т. е. необходимо выявить параметры, которые позволят усматривать семантическую близость или различие исходных значений исследуемых предикатов. Для этого, в свою очередь, важно определить, какие признаки звуковой ситуации существенны для ее языкового кодирования и что стоит за объединением тех или иных типов звучания в одном глаголе. Именно эта проблематика и станет центральной для настоящего раздела. После обсуждения основных параметров, релевантных для категоризации звуков неодушевленных объектов в различных языках, мы кратко обозначим перспективы исследования переносных значений глаголов данного семантического класса.

Для построения предварительной типологии звуков неодушевленных объектов мы использовали материал 5 языков (в дальнейшем языковую выборку планируется расширить): французского (индоевропейские → романские), русского (индоевропейские → славянские), немецкого (индоевропейские → германские), коми-зырянского (финно-угорские → пермские, изучались данные относящегося к ижемскому диалекту говора с. Мужы Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа) и хантыйского (финно-угорские → обско-угорские, данные говора с. Теги Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа, промежуточного между шурышкарским и казымским диалектами). Отметим, что русские глаголы звуков неодушевленных объектов не раз становились объектом семантического исследования (ср. прежде всего Стойнова 2008 и приведенный в этой работе библиографический обзор, а также Падучева 2004 и некоторые лексикографические статьи в НОСС 2004). Наш анализ русского материала опирался как на результаты этих работ, так и на наши собственные данные, полученные из Национального корпуса русского языка. Материал немецкого языка собран с использованием словарей (Duden, DWDS, Wortschatz Leipzig) и корпусов текстов (DWDS, COSMAS II), а также путем анкетирования носителей. Французский материал получен в ходе работы с носителями языка. Помимо этого использовались данные словарей Le Grand Robert и TLF, а также производилось уточнение сведений о сочетаемости лексем при помощи поисковой системы Google. Данные хантыйского и коми-зырянского языков получены в ходе их комплексного полевого изучения.

Итак, наша основная задача будет состоять в том, чтобы понять, каким образом языки структурируют множество разнообразных звуков, которые производятся неодушевленными объектами, то есть как все эти звуки могут распределяться между отдельными лексическими единицами. Как наивная интуиция, так и аналогия со звуками животных подсказывают, что важным семантическим параметром для звуковых глаголов является тип источника звука. Именно с его характеристик мы и начнем наш анализ.

2. Глаголы звука неодушевленных объектов: прямые употребления

2.1. Характеристики источника звука

Среди неодушевленных объектов, которые могут выступать источником звука, явным образом противопоставляются два класса: природные объекты (ср. такие звуки, как гром, журчание ручья, шелест листьев) и артефакты (ср. звон посуды, стук каблуков, грохот поезда). С каждым из этих классов связан свой круг звуковых ситуаций, так что теоретически типологию для каждого из них можно было бы строить отдельно. Так мы и собирались поступить, однако языковые факты заставили нас принять обратное решение.

С одной стороны, некоторые природные звуки действительно хорошо выделяются лексически, ср. русский и немецкий глаголы со значением звука текущей воды в ручье, которые в исходном значении не применимы ни к каким другим неодушевленным объектам (рус. *журчать*, нем. *plätschern*). С другой стороны, в большинстве случаев языки лексически не противопоставляют природные звуки артефактным — просто в силу близости тех или иных характеристик объектов или ситуаций: так, звук сухих листьев под ногами или под воздействием легкого ветра обычно описывается тем же глаголом, что и звук бумаг, перебираемых человеком (ср. рус. *шелестеть*, нем. *rauschen*); звук деревьев или веток, прогибающихся при ветре — так же, как пол под ногами (ср. рус. *скрипеть*, нем. *knarren*, коми-зыр. *d'urtny*). Более того, даже такой сугубо природный и непредметный звук, как гром, может лексически совмещаться со звуками артефактов, а именно, обозначать выстрелы (ср. рус. *греметь / грохотать*, нем. *donnern*), а также нерегулярные соударения физических объектов или их частей — например, посуды при манипуляциях с ней человека или поезда при движении (ср. рус. *греметь / грохотать*, нем. *rumpeln*)³. Иногда, однако, для звука грома язык может использовать и специальный глагол (ср. коми-зыр. *gutoony*). Напротив, текущая вода в коми-зырянском,

³ В случае некоторых из этих глаголов (ср. рус. *греметь*, нем. *donnern*, каждое из которых этимологически связано с существительным 'гром') очевидно, что совмещение является результатом семантического сдвига от звука грома к звуку артефактов. Однако, во-первых, при работе с более широким типологическим материалом нам не всегда будут доступны этимологические свидетельства, доказывающие первичность одного значения по отношению к другому. Во-вторых, уже имеющиеся языковые данные показывают, что объединение грома с другими типами звучания необязательно является следствием метафорического переноса, скорее, речь идет именно о едином значении (ср. рус. *грохотать*,

в отличие от русского и немецкого (см. выше), «звучит» так же, как артефактный звук мотора / трактора (*žurgyny*).

Таким образом, поскольку в большинстве случаев звуки природных объектов и явлений лексически не противопоставлены звукам, издаваемым артефактами, мы рассматриваем оба класса в рамках единого типологического описания.

Если такие источники звука, как гром или вода, легко вычлняются в силу своей когнитивной значимости, то определение остальных источников представляет собой более трудную задачу. С одной стороны, невозможно просто исчислить все неодушевленные объекты, которые в той или иной ситуации могут издавать звук. С другой стороны, язык не может использовать отдельный глагол для каждого объекта. Значит, необходимо выявить такие признаки источников звука, которые релевантны для выбора по отношению к ним того или иного глагола. По нашим данным, наиболее значимыми признаками такого рода являются материал и размер / вес объекта. Рассмотрим эти признаки на конкретно-языковых примерах.

2.1.1. Материал, из которого изготовлен объект

Среди материалов, задействованных в изготовлении объекта, язык естественным образом лексикализует звучание тех, которые производят наиболее заметный и характерный шумовой эффект. Как свидетельствует наша языковая выборка, в этом отношении выделяются металл, дерево и стекло, т. е. в языках, как правило, имеются лексемы, ассоциирующиеся со звучанием **металлических**, **деревянных** и **стеклянных** объектов.

Так, русский глагол *лязгать* применяется в прототипическом случае к изделиям из металла (см. Стойнова 2008), как в (1):

русский

- (1) *Захлопывались двери камер, лязгали засовы.* [Эдвард Радзинский. Княжна Тараканова (1999)]

Сходное ограничение на материал объекта имеет русский глагол *скрежетать*, французский *ferrailer* или хантыйский *šāriti* (последний может описывать, к примеру, звук ржавого замка, железных дверных петель).

С деревянными предметами ассоциируется, в частности, хантыйский *šixarti* (причем, как отмечалось выше, в этой зоне объединяются природные и артефактные источники звука, ср. дерево при ветре, деревянные дверные петли, пол под ногами) или немецкий *knarren* (2):

немецкий

- (2) *Der Holzboden knarrt, einige Latten fehlen.* [Die Zeit, 28.03.2007]
‘Деревянный пол **скрипит**, не хватает нескольких досок’.

Необходимо при этом отметить, что тот или иной материал изготовления — железо, дерево, стекло — задает только прототипические источники звука для рассматриваемых

нем. *rumpeln*) — такой анализ косвенно подтверждается и лексикографической практикой представления этих глаголов (см. MAC, DWDS).

глаголов. Помимо этих центральных употреблений, глаголы могут покрывать звучание ряда объектов другого типа, для которых в языке редко имеются специальные лексемы и которые поэтому попадают, так сказать, в «чужой» класс. Какой именно класс при этом выбирается — это часто предмет межъязыкового варьирования. Показательный пример такого рода — звуки, производимые **зубами**. Зубы как источник звука могут описываться, с одной стороны, «металлическими» глаголами (ср. в русском *лязгать*, *скрежетать*), с другой — «деревянными» (ср. русский *скрипеть*, хантыйский *šixarti*). В других случаях языки ведут себя более единообразно в отнесении того или иного источника звука к некоторому классу. Так, звук, характерный для изделий из **кожи** (ср. звук сапог при ходьбе), довольно регулярно покрывается предикатом для деревянных объектов (как русский *скрипеть* или немецкий *knarren*).

Звуки, соответствующие трем основным типам источников, не только вбирают в себя некоторые объекты других — «внешних» — классов, они могут еще и накладываться друг на друга. В частности, во многих языках в одном звуковом предикате объединяются стеклянные и металлические объекты (ср. русское *звенеть* — например, о звуке соударяющихся бокалов, оконных стекол, сотрясающихся при сильном ветре, колокольчика или колокола, цепей, трамвая на повороте; хантыйский *saŋlemäti* — например, о звуке разбивающегося стекла, колокольчика, канистры, которую везут на санях). При этом нередко стекло выступает в сочетании не с любыми металлическими предметами, а только с предметами небольшого размера (монетки, ключи), ср. немецкое *klirren*, коми-зырянские глаголы на *z'il'*. Выбор такой подгруппы внутри общего класса металлических объектов явно демонстрирует, что наряду с материалом для типа звучания могут быть существенны и другие характеристики объекта — а именно, его размер и вес.

2.1.2. Размер и вес объекта

Размер и вес образуют два тесно связанных друг с другом параметра: глаголы могут специализироваться либо на **мелких и легких**, либо на **крупных и тяжелых** объектах. При этом в ряде случаев, как выше для немецкого *klirren* и коми-зырянских глаголов на *z'il'*, параметр размера / веса «склеивается» с материалом изготовления, для некоторых других глаголов материал, напротив, не имеет значения. Так, русский глагол *громыхать* употребляется только по отношению к сравнительно большим предметам — независимо от того, из чего они изготовлены (ср. тяжелые цепи, трамвай, мебель). В свою очередь, немецкий глагол *klimpern* передает звуки множества мелких объектов, соударяющихся друг о друга, — тоже вне зависимости от материала (ср. камешки или монетки в кармане, ключи), как в (3):

немецкий

- (3) *In seiner Tasche klimpern noch immer die Kieselsteine vom Strand.* [Roland Schemel. Anubis (2001)]

‘У него в кармане все еще **позвякивали** камешки с пляжа’.

До сих пор, обсуждая различные параметры, эксплицитно мы рассматривали только свойства источника. Но при этом, поясняя значения отдельных глаголов, мы в примерах уже задавали не просто тип объекта, но и ситуацию, при которой данный объект может

издавать тот или иной звук (так, мелкие объекты «звучат» при соударении, кожаные сапоги при ходьбе, дерево при ветре и т. д.). Действительно, все эти объекты, находясь в неподвижном состоянии, при отсутствии внешнего воздействия, не производят никаких звуков — звучание возникает только в определенной ситуации. И тип этой ситуации естественным образом тоже влияет на лексикализацию раздающегося звука.

2.2. Тип ситуации

Зависимость звука от характера воздействия на объект можно проследить на простых примерах: действительно, один и тот же объект в разных ситуациях может производить различные звуки, которые, соответственно, описываются в языке разными глаголами. Так, стул звучит одним образом, если на нем кто-то беспокойно сидит (ср. русский глагол для этой ситуации *скрипеть*, нем. *knarren*), и другим — если его с шумом перемещают по комнате (рус. *громыхать*, нем. *rumpeln*).

Ситуации, в которых неодушевленный объект может производить звук, довольно разнообразны. К самым общим типам воздействия относится, например, перемещение объекта — в этом случае звук может исходить от соударения или трения частей объекта (или элементов множественного объекта) друг о друга или о поверхность, ср. о цепи, которую приводит в движение привязанная собака (звенья цепи ударяются друг о друга), о посуде, которую перемещают по кухне (тарелки ударяются друг о друга), о движущейся телеге (колеса трутся об оси). Звук может быть связан с давлением на объект сверху — как правило, речь идет о воздействии человека своим весом, ср. о звучании пола, снега или сухих листьев, когда по ним кто-то идет, или — как в примере выше — о стуле, когда на нем беспокойно сидят.

Значимыми для лексикализации этих звуков в языке могут оказаться разные аспекты соответствующих ситуаций. Естественно предположить, что язык «реагирует» на сам характер звукопорождающего действия, противопоставляя дискретные соударения более длительному соприкосновению с объектом (трение или давление). Однако наши данные показывают, что язык классифицирует звуки гораздо более дробно. В частности, имеется ряд специальных ситуаций, для которых языки зачастую используют особые лексические средства. Тем самым язык позволяет проследить, какие параметры ситуации делают ее, с точки зрения человека, принципиально отличной от других.

К таким выделенным ситуациям относится, во-первых, **падение**. Формально падение представляет собой частный случай соударения объектов, тем не менее язык может лексически противопоставлять звук при падении другим типам соударений. Примерами лексем, обозначающих такой тип звука, могут служить немецкий глагол *plumpsen* или коми-зырянский *butkys'ny*, ср. (4)

- КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ
- (4) *Pyž jaher-ys or-is*
 лодка якорь-POSS3SG рваться-PST.3SG
- da butkys'-is l'apkyd va-as.*
 и падать.с шумом-PST.3SG мелкий вода-ILL.POSS3SG
- ‘Якорь лодки сорвался и с шумом упал в мелкую воду’.

Во-вторых, среди звуковых ситуаций могут лексически выделяться такие, которые сопряжены с **деформацией** объекта. Так, звук при давлении на объект (например, человек сидит на стуле) в русском может описываться глаголами *скрипеть* и *трещать*, при этом *трещать* подразумевает, что от веса происходит деформация стула, и он может сломаться.

РУССКИЙ

- (5) *Гизелла не отвечала, люди притихли, перестали скрипеть стулья.* [Аркадий Львов. Двор (1981)]
- (6) *И когда тот невольно откинулся назад, под ним затрещали стул, и бедняга с грохотом полетел на пол.* [Д. С. Данин. Нильс Бор (1969–1975)]

Аналогично во французском и немецком именно с ситуацией повреждения прототипически соотносятся, соответственно, глаголы *craquer* и *knacken*.

Наконец, еще один параметр, который может получать лексическое выражение в поле звуковых глаголов, затрагивает объекты, имеющие определенное функциональное предназначение. Язык может лексически противопоставлять ситуации, в которых эти объекты звучат, выполняя свою **функцию**, ситуациям, когда звуки возникают случайно. Так, в русском, если металлическое оружие (например, меч) прикреплено к поясу воина, то случайно производимый им звук (скажем, при движении этого воина) может описываться глаголом *бряцать*, звук же меча, который используется в бою (т. е. звук меча при его функциональном использовании), задается лексемой *звенеть* (и лексема *бряцать* в этом контексте невозможна).

Лексическое противопоставление функциональных и нефункциональных контекстов является отражением более общего свойства языка — его антропоцентричности (ср. Wierzbicka 1985, Рахилина 2000/2010). Действительно, экстралингвистическая реальность концептуализуется в языке не столько в соответствии с ее объективными физическими свойствами, сколько исходя из взаимодействия с ней человека. Так, в примере выше речь шла о двух акустически очень близких ситуациях (соударении меча о металлические доспехи, с одной стороны, и о меч противника — с другой). Тем не менее, человеку важно, что функционально эти ситуации абсолютно различны, и поэтому в языке за ними могут закрепляться разные лексемы.

Рассмотренный пример является ясным свидетельством того, что семантическое поле звуков (как и многие другие поля, ср. Рахилина, Резникова 2013) плохо поддается типологическому анализу на основе психолингвистического эксперимента. Такого рода экспериментальная методика широко применяется специалистами крупнейшего на сегодняшний день центра лексико-типологических исследований — Института им. Макса Планка в Неймегене (см., например, Majid, Bowerman (eds.) 2007, Majid, Levinson (eds.) 2011, Кореска, Narasimhan (eds.) 2012). Она подразумевает, что носителям разных языков предъявляются внеязыковые стимулы различного вида (цветовые таблички, если описываются цвета, аудиозаписи, если рассматриваются звуки, и т. д.), и информанты должны описать увиденное или услышанное словом своего языка (см. Главу 1). Однако во многих случаях возможности психолингвистического эксперимента оказываются ограниченными. Обсуждавшиеся выше языковые факты наглядно показывают, что для

лексикализации звучания неодушевленного объекта важен не только сам акустический сигнал, но и в целом вся ситуация, сопровождающая данный звук.

2.3. Источник звука и тип ситуации: взаимодействие параметров

До сих пор свойства источника звука и тип ситуации, в которую он вовлечен, характеризовались как два отдельных признака, каждый из которых релевантен для описания звучащих объектов сам по себе. На самом же деле, однако, речь здесь идет не о независимых признаках, значения которых можно было бы механически перемножить и получить исчисление всех типов значений, реализуемых в языке (ср. подобный подход к типологии значений на материале глаголов приготовления пищи в Lehger 1974).

Напротив, выбор значения одного параметра часто задает определенное значение другого, так что получающиеся комбинации образуют устойчивые гештальты звуковых событий, или — в терминологии исследований Московской лексико-типологической группы — фреймы (см. Рахилина, Резникова 2013). Так, ситуация падения лексикализуется в отдельном звуковом глаголе преимущественно по отношению к тяжелым объектам (ср. немецкий *plumpsen* или коми-зырянский *butkys'ny*). Для легких предметов (например, монеток) звуковой эффект падения ничем не отличается от однократного соударения, тем самым эта ситуация не образует отдельного фрейма и не получает специального лексического выражения (ср. в русском *звякнуть* для различных соударений, в том числе и при падении). Стеклообразные объекты при падении обычно разбиваются, так что звук от ситуации падения в этом случае не противопоставляется звучанию стекла, разбивающемуся по какой-либо другой причине. Именно поэтому, как нам представляется, мы не встретили до сих пор (и не ожидаем встретить при расширении языковой выборки) специальных глаголов, описывающих падение стеклянных предметов.

Существенно не только то, что значения параметров комбинируются и лексикализуются не произвольным образом, а в соответствии с предсказуемой логикой, но и то, что некоторые звуковые события образуют сложные комплексы, в которых трудно выделить значимые характеристики источника звука, с одной стороны, и тип ситуации — с другой. Это касается прежде всего различных механизмов, которые издают звуки в процессе функционирования (ср. мотор, холодильник, швейная машинка). В языке, как правило, имеются конвенционализованные способы описания звуков тех устройств, которые распространены в данной культуре. Но поскольку необходимость описывать эти устройства в языке появляется достаточно поздно, то для этой цели обычно используются не специализированные лексические средства, а какие-то звуковые глаголы, уже задействованные для других типов объектов или ситуаций. По нашим данным, это могут быть другие неодушевленные предметы, явления природы или животные. Так, во французском звук мотора может описываться тем же глаголом, что и звук довольной кошки (*ronronner*); в немецком — лексемой, характеризующей протяжный крик медведя или быка (*brummen*, см. Главу 3); в русском — предикатом, выражающим шум ветра в закрытом пространстве, например, в трубе (*зудеть*); в коми-зырянском же звук мотора ассоциируется с шумом ручья (*žurgyny*).

В некотором смысле по отношению к механизмам тоже можно говорить о различных ситуациях, при которых они издают звук. Но в отличие от рассмотренных выше

объектов (как стулья или посуда), которые вовлекаются в самые разнообразные звуковые действия, для механизмов релевантными являются всего лишь два типа ситуаций: собственно нормальное функционирование (как в случае гудящего мотора) и функционирование с помехами — в этом случае как раз звук часто и свидетельствует о наличии неисправности. Вполне естественно, что язык лексически противопоставляет звучание прибора в обычном и испорченном состоянии. Но при этом для описания как неисправных, так и хорошо функционирующих механизмов язык задействует лексику, используемую изначально для природных объектов или явлений. Так, звук плохо работающих аудио-приборов (т. е. шумовые помехи) и в русском, и немецком ассоциируется со звуком горящих дров (ср. рус. *потрескивать*, нем. *knacken*). Во французском исходное значение для глагола, описывающего шумовые помехи, несколько иное, но примечательно, что речь здесь тем не менее идет об очень близкой ситуации, тоже связанной с воздействием высокой температурой — а именно, о звучании жидкости на горячей поверхности (*grésiller*).

Мы привели несколько примеров семантических сдвигов, в результате которых звуковые глаголы разных классов начинают использоваться для описания звучащих механизмов — нормально функционирующих или неисправных. По примерам видно, что одна и та же производная семантика может развиваться как из довольно близких исходных (как в случае с шумовыми помехами), так и из достаточно разнородных значений (как для звука мотора). Но если семантический перенос в одну зону может происходить из очень разных источников, то возникает естественный вопрос: существуют ли какие-либо ограничения на вариативность этих источников? Или же переход между различными классами звуковых глаголов осуществляется абсолютно свободно, и само наличие шумового эффекта является достаточным основанием для семантического сдвига? Забегая вперед, скажем, что ограничения здесь, конечно же, имеются, и их природу мы обсудим в следующем разделе.

2.4. Акустические характеристики звука

Как уже отмечалось, лексика звуков организуется вокруг фреймов, т. е. прототипических ситуаций, в которых тот или иной объект может издавать звук (ср. падение тяжелого предмета, шаги человека по снегу, шумовые помехи в телефонной трубке и т. д.). Типологический подход к этой лексике позволяет увидеть, что языки по-разному распределяют эти прототипические ситуации между лексическими единицами. Соответственно, задача, которую должно решать типологическое описание, состоит в том, чтобы выявить, с одной стороны, частотные, с другой — редкие или невозможные объединения фреймов в одной лексеме, а также объяснить, почему язык объединяет те или иные звуковые события.

Напомним, что фреймы по сути представляют собой устойчивые комбинации значений тех параметров, о которых речь шла в 2.1–2.3 (так, падение тяжелого предмета — это ‘большой вес / размер объекта’ + ‘ситуация падения’; шаги на снегу — это ‘снег’ + ‘давление сверху’ и т. д.). Совпадение в нескольких фреймах значения одного из параметров (материала объекта, его размера / веса или типа воздействия) зачастую как раз и объясняет, почему соответствующие фреймы выражаются в том или ином языке одной лексемой. Например, в русском сухие листья под ногами объединяются с переворачиваемыми страницами книги (*шуршать*) — на основании сходства

материала звучащих объектов (бумага во многих языках уподобляется природным листьям, ср. использование для бумаги классификатора *лист*). В немецком сухие листья под ногами описываются так же, как и раздавливаемая скорлупа или ручка, на которую случайно наступили, или же произвольный звук зубов во сне (*knirschen*) — здесь основанием служит общность типа воздействия (а именно, подразумевается давление, при котором объект может крошиться).

Тем самым следует несколько уточнить наблюдения, которые мы приводили в разделах 2.1–2.3. Если мы отмечали, например, что хантыйский глагол *šariti* применяется к железным объектам, это не означает, что звук любого железного предмета можно описать данной лексемой — речь идет о том, что те фреймы, которые она выражает (ржавый замок при повороте ключа; железные петли при открывании двери), объединяются потому, что звучащие объекты в каждом случае изготовлены из железа.

Итак, совпадение для нескольких звуковых ситуаций характеристик объекта или типа воздействия во многих случаях позволяет объяснить, почему те или иные фреймы соединяются в одной лексеме. Но все же этих параметров оказывается недостаточно для того, чтобы понять природу всех встретившихся в нашем материале комбинаций. Так, хантыйский глагол *šul'iti* покрывает две группы фреймов. Первая включает в себя звук листьев на деревьях при легком ветре, звук сухих листьев под ногами (7), звук переворачиваемых страниц книги, тем самым внутри этой группы сходным для всех фреймов является тип звучащего объекта (об уподоблении бумаги листьям дерева речь уже шла выше). Вторая объединяет звуки соударений массы небольших объектов (например, монет, осколков стекла, бисера, см. (8)) или частей объекта непостоянной формы друг о друга (золотого украшения на шее).

ХАНТЫЙСКИЙ

- (7) *Šuoš-ti pora-j-n kur ilpi-j-n jux lipət šul'i-j-ət.*
идти-IPFV.PRT время-OBL-LOC нога под-OBL-LOC дерево лист шуршать-OBL-NPST

‘Когда идешь, под ногами листья дерева **шуршат**’.

ХАНТЫЙСКИЙ

- (8) *Xotəŋ tur lipi-j-n sak šul'i-j-ət.*
лебедь горло в-OBL-LOC бисер звякать-OBL-NPST

‘В лебедином горле⁴ бисер **звякает**’.

Объединение первой и второй группы фреймов в одном глаголе нельзя объяснить ни сходством звучащих объектов (с одной стороны, листья и бумага, с другой — металлические и стеклянные предметы), ни типом воздействия (к листьям или бумаге не применима идея соударения, которая релевантна для второй группы). Тем самым семантика хантыйского *šul'iti* должна мотивироваться другими факторами.

Определенная логика должна стоять и за обсуждавшимися выше совмещениями звуков механизмов и природных объектов (ср. звук мотора и шум ручья для коми-зырянского *žurgynu*, шумовые помехи аудиоприборов и звук горящих дров для русского *потрескивать* и под.). В таких случаях ведь тоже ни тип объекта, ни тип ситуации не имеют

⁴ Лебединое горло — сушеная трахея лебеда, используемая для изготовления погремушки.

между собой ничего общего. Правда, здесь понятно, что совмещения возникают как результат метафорических переносов природных звуков на артефактные, но этот факт не отменяет необходимости и в этой зоне объяснить возможные и маловероятные комбинации фреймов в одной лексеме. Иными словами, мы возвращаемся к вопросу, который был поставлен в конце раздела 2.3 — об ограничениях на семантические переходы между разными классами звуковых ситуаций.

Хорошо известно, что метафора основана на сходстве, и очевидно, что сходство здесь может опираться только на собственно звуковую составляющую ситуации. Звуковым сходством, по-видимому, объясняются и те совмещения, которые (по крайней мере, на синхронном уровне) нельзя интерпретировать как результат метафорического сдвига — как, например, звуки листьев и соударений небольших объектов в случае хантыйского *šul'iti* (см. примеры (7–8) выше). Остается понять, какой именно акустический аспект звучания должен обнаруживать сходство, чтобы две ситуации в языке могли описываться одним глаголом.

По нашим данным, для языковой концептуализации наиболее существенной оказывается, так сказать, внутренняя структура звукового события — его длительность, единичность или повторяемость, монотонность или неоднородность — то, что можно было бы назвать «аспектуальными» характеристиками звука. В этом отношении все звуки можно поместить на своего рода континууме, крайние точки на котором образуют монотонные длительные звуки, с одной стороны, и мгновенные — с другой. Условно этот континуум можно разделить на следующие зоны:

1. Длительные регулярные монотонные (например, гудение самолета при посадке).
2. Нерегулярные длительные (например, шелест листьев дерева при ветре).
3. Нерегулярные дискретные (например, треск сухого дерева при горении).
4. Регулярные дискретные (например, стук каблуков).
5. Мгновенные (например, шум от удара или падения).

Все встретившиеся в нашем материале глаголы звука покрывают непрерывную область на этом континууме. Иными словами, если два и более фрейма объединяются в одном глаголе, это значит, что им соответствуют звуки либо одного «аспектуального» типа, либо нескольких смежных типов. Так, например, фреймы, описываемые коми-зырянским глаголом *žurgynu* (напомним, это звук мотора и шум ручья), представляют один класс — нерегулярных длительных звуков. А хантыйский глагол *šul'iti* (звук листьев и соударения мелких предметов), соответственно, охватывает два смежных класса — нерегулярных длительных и нерегулярных дискретных звуков.

Примерами объединения смежных зон в других участках континуума могут служить хантыйский предикат *lotiti* и немецкий *klacken*. Глагол *lotiti* имеет два типа употреблений. Во-первых, он описывает звук при горении сухих дров или звук масла на раскаленной сковородке, т. е. попадает в класс нерегулярных дискретных звуков, ср.:

хантыйский

- (9) *Kor lipi-j-n sčrəm tut'jux-ət loti-l-ət.*
печь в-овл-ЛОС сухой дрова-PL трещать-NPST-PL

‘В печи сухие дрова трещат’.

Во-вторых, *lotiti* может выражать более регулярные дискретные звуки, в частности, при повторяющихся ударах плоского объекта нежесткой структуры о другой объект, например, звук отклеившегося объявления, бьющегося на ветру о стенку, или куртки, бьющейся о тело человека, ср. тж. о крыльях чайки:

ХАНТЫЙСКИЙ

- (10) *Xalevik-en kamən ši loti-j-əl.*
халей-poss2sg на.улице емрн стучать-OBL-NPST

‘Халей (большая чайка) на улице так и **хлопает** крыльями’.

Таким образом, *lotiti* соединяет две зоны на континууме — дискретные нерегулярные и регулярные звуки. Следующий участок из двух смежных зон представлен немецким глаголом *klacken*: он описывает, во-первых, равномерно повторяющиеся звуки (каблуки по полу, клавиши компьютера, на котором кто-л. печатает, секундная стрелка в часах или стрелка метронома), как в (11). Во-вторых, *klacken* употребляется по отношению к однократным щелчкам (ср. звук захлопывающегося замка или ручки с пружинным механизмом), как в (12).

НЕМЕЦКИЙ

- (11) *Das Gebäude der National Insurance Company liegt verlassen da <...> die Schuhe eines Wachposten **klacken** auf dem Asphalt des Vorplatzes.* [Die Zeit, 30.10.2006]

‘Одиноко стоит здание National Insurance Company <...> на площади перед ним по асфальту **стучат** ботинки караульного’.

- (12) *Lässig lasse ich die Kofferverschlüsse **klacken**, starre auf das zusammengeschnürte Bündel, aus dem in den nächsten Minuten flugs ein Zelt entstehen soll.* [Die Zeit, 28.08.1992]

‘Я небрежно **щелкаю** замком чемодана и смотрю на перевязанный сверток, который в ближайшие минуты быстренько должен превратиться в палатку’.

Итак, подведем итоги нашего обзора исходных значений глаголов, выражающих звуки неодушевленных объектов. Исследуемые глаголы обозначают не просто звуки с теми или иными физическими характеристиками (как высота или громкость): каждый из них конвенционализированно связан с ситуацией, при которой данный звук возникает, т. е. с определенными звучащими объектами и с определенными действиями, которые над этими объектами осуществляются. Один глагол, как правило, ассоциируется не с одной ситуацией, а с набором таких ситуаций. При этом в разных языках множества ситуаций, объединяемых в одной лексеме, не совпадают, поскольку основанием для объединения могут служить разные параметры звукового события. Это могут быть свойства объекта-источника звука (материал его изготовления, размер и вес), способ воздействия на этот объект или же «аспектуальные» характеристики звучания (длительность, монотонность и повторяемость звука). Язык в каждом случае «выбирает» тот или иной параметр в качестве основания для лексического объединения нескольких звуковых событий. Соответственно, разные стратегии, которым следуют языки, и обуславливают межъязыковое лексическое разнообразие в исследуемой семантической зоне.

Обратимся теперь к переносным значениям, которые могут развивать глаголы звука неодушевленных объектов, и последовательно рассмотрим их переносы метонимического и метафорического типа.

3. Глаголы звука неодушевленных объектов: переносные употребления

3.1. Метонимические сдвиги

Как уже отмечалось, особенность звуков, издаваемых неодушевленными объектами, состоит в том, что они в большинстве случаев возникают как результат внешнего воздействия на эти объекты. Иными словами, такие звуки обычно сопряжены с некоторой незвуковой ситуацией (так, дверь скрипит, когда открывается, колеса стучат при движении транспорта). Эта экстралингвистическая связь обуславливает важное лингвистическое свойство изучаемых глаголов: они могут указывать не только на наличие определенного звука, но и на смежную ситуацию, сопровождающую этот звук (ср. *дверь скрипнула* как описание ситуации 'дверь открылась'). А описывая смежные ситуации, они тем самым развивают метонимические значения.

Богатство метонимией делает зону глаголов звука благодатным объектом для изучения метонимических переходов. Заметим, что теория метонимии обычно занимается регулярными моделями метонимических сдвигов (типа часть ↔ целое; объект ↔ материал, из которого он изготовлен; ситуация ↔ фрагмент ситуации и под., ср., например Radden, Kövecses 1999), но не лингвистическими механизмами, действующими при такого рода сдвигах. Между тем, формальная сторона метонимических преобразований представляет немалый интерес, и связано это с особенностями метонимии как типа семантического сдвига. Как известно, в отличие от метафоры, которая качественно переосмысляет исходную ситуацию, метонимия по сути описывает ту же ситуацию, что и исходное значение, сдвигая только фокус внимания с одного ее аспекта на другой (ср. Падучева 2004, а также принятое в когнитивной традиции противопоставление метафоры и метонимии как переходов, соответственно, между разными доменами и внутри одного общего домена). Но если описываемая лексемой ситуация остается прежней, то необходимы дополнительные языковые средства, чтобы показать, что в данном контексте этой лексеме соответствует уже не исходное, а производное — метонимическое — значение. И действительно, метонимические переходы, представленные в нашей выборке, демонстрируют широкий спектр возможностей, к которым прибегают разные языки для маркирования семантического сдвига.

Первая и наиболее очевидная стратегия, позволяющая преобразовать звуковую ситуацию в ситуацию воздействия, сопровождающегося данным звуком, — это добавление в конструкцию нового аргумента (см. Падучева 2004, Стойнова 2008 о русском языке), ср. (13а–б).

русский

- (13) а. *Бумага шуршит.*
 б. *Мальчик шуршит бумагой.*

Пример (13а) содержит глагол звука с одним аргументом (источник), тогда как в примере (13б) у глагола появляется второй аргумент — агенс (*мальчик*) в номинативе, а ИГ, описывающая источник звука, меняет синтаксическую функцию и маркируется показателем творительного падежа.

Однако не все глаголы в нашей выборке допускают присоединение агенса без дополнительных морфосинтаксических преобразований. Так, в следующем французском примере добавление агенса требует каузативизации звукового глагола, ср. (14a) с непереходным употреблением глагола *crisser* и (14b) с введенным агентивным участником:

ФРАНЦУЗСКИЙ

- (14) a. *La craie crisse quand on écrit qch. sur le tableau.*
 ‘Мел **скрипит**, когда что-то пишешь на доске’.
- b. *L'enfant fait crisser la craie sur le tableau.*
 ‘Ребенок **скрипит** мелом (букв. «заставляет мел скрипеть») по доске’.

Метонимический сдвиг глагола может маркироваться добавлением не только агенса, но и периферийных аргументов. В (15a–b) представлена иллюстрация из немецкого языка.

НЕМЕЦКИЙ

- (15) a. *Als er fiel, hat es wirklich **geplumpst**.*
 ‘Когда он упал, было столько **шума!**’
- b. *Der Sack **plumpste** auf den Boden.*
 ‘Сумка **плюхнулась** на пол’.

Глагол *plumpsen* исходно обозначает звук, сопровождающий ситуации падения (ср. 15a). Но в (15b) в фокусе оказывается уже не звук, а собственно падение, т. е. имеет место метонимический переход глагола, основанный на смежности двух ситуаций. Происходит он за счет того, что в (15b) в конструкцию включается локативный (направительный) аргумент *auf den Boden* ‘на пол’, характерный для глаголов падения (и шире, глаголов движения).

Помимо введения дополнительных аргументов показателем метонимического преобразования может служить мена морфосинтаксических свойств глагола. Так, в немецком переход от звука к деформации, сопровождающейся этим звуком, может маркироваться выбором другого вспомогательного глагола, как в (16a–b).

НЕМЕЦКИЙ

- (16) a. *Der Boden **hat** unter seinen Füßen **geknackt**.*
 ‘Пол **хрустел** под его ногами’.
- b. *Die Fensterscheibe **ist geknackt**.*
 ‘Оконное стекло **разбилось**’ (букв. «хрустнуло»).

В (16a) глагол *knacken* описывает звук и выступает со вспомогательным глаголом *haben*, маркирующим перфектную форму при большинстве немецких глаголов. Однако в (16b) тот же *knacken* употребляется с *sein* — показателем перфекта при глаголах перемыны состояния. Тем самым *knacken* в (16b) описывает уже не просто звук, а деформацию — разбившееся окно.

Аналогичное отношение ‘звук’ — ‘деформация’ в русском языке может маркироваться на словообразовательном уровне. В частности, добавление к звуковому глаголу семельфактивного суффикса *-ну-* (17а–б) может переводить его в класс предикатов деформации:

русский

(17) а. *Ветки хрустели под его ногами.*

б. *Ветка хрустнула.*

Широкое использование словообразовательных средств для обозначения метонимически связанных ситуаций характерно для коми-зырянского языка. Многие глаголы звука в нем происходят от идеофонов: встраивание идеофонных корней в разные словообразовательные модели порождает целые гнезда семантически смежных дериватов с различными аспектуальными значениями. Например, звукоподражательный корень *rač-* (*račk-*, *račča-*) описывает треск при ломании деревянного объекта или тонкого льда. От этого корня образуются такие глаголы, как *račk-ed-ny* (треск-TR-INF) ‘ломать с треском’, *račk-ed-l-ynu* (треск-TR-ITER-INF) ‘ломать с треском много раз’, *račk-ed-č-ynu* (треск-TR-DETR-INF) ‘издать треск’ (описывает единичное действие, что типично для комбинации транзитивизатора и детранзитивизатора в коми-зырянской глагольной морфологии), *račča-kuynu* ‘трещать’ (*kuynu* — грамматикализованный глагол ‘слышать, слышаться’), *račvartny* ‘ломать с шумом’ (где *vartny* — грамматикализованный глагол ‘бить’, который обычно выражает идею интенсивности; такая модель не ограничивается глаголами звука и также включает, например, глаголы физического воздействия, см., например, Бубрих 1949: 162).

Устанавливая метонимическое отношение между дериватами, мы тем самым выходим за рамки традиционного подхода к семантическим сдвигам, ведь обычно метонимические и метафорические переходы рассматривают как отношения между значениями одной лексемы, а не лексемы и ее производных (см., впрочем, Radden, Kövecses 1999). Однако типологический подход наглядно показывает, что на семантическом уровне сдвиги между дериватами следуют тем же моделям, что и переходы, не выходящие за границы одной лексемы. В частности, в нашем материале все языки реализуют общий (и, по-видимому, универсальный) когнитивный принцип — смежность звука и ситуации, в которой он возникает, но в то же время каждый язык задействует для этого свои грамматические и/или лексические средства. Соответственно, чтобы видеть за многообразием материала общезначимые когнитивные стратегии, которым подчиняются самые разные языки, теория семантических сдвигов должна учитывать деривационные отношения наравне с традиционными для нее внутрилексемными переходами (ср. аналогичный подход в Каталоге семантических переходов, созданном под рук. Анны А. Зализняк, см. Zalizniak et al. 2012).

3.2. Метафорические сдвиги

Выше, обсуждая зону прямых значений, мы уже говорили о метафорах — а именно, о переносах природных звуков на звучание механизмов. Ниже же речь пойдет о таких сдвигах, область-цель которых лежит уже за пределами поля звуков неодушевленных объектов.

Смежность звука и ситуации, его вызывающей, проявляется на лингвистическом уровне не только в богатстве метонимических связей — эта смежность оказывается существенной и в зоне метафор. Дело в том, что метафорические переносы для звуков неодушевленных объектов могут развиваться на базе двух разных составляющих исходного значения: собственно звукового эффекта (назовем их «звуковыми метафорами») и той смежной ситуации, которая за ним стоит («незвуковые метафоры»).

Для **звуковых метафор**, по нашим данным, областью-целью преимущественно выступают свойства человеческого голоса и речевые характеристики, а также неприятные физиологические ощущения⁵. Так, звук грома переносится на громкий голос (ср. рус. *греметь*, нем. *donnern*):

НЕМЕЦКИЙ

- (18) a. *Ich weiß noch, wie sie sich immer versteckte, wenn es regnete, blitzte und donnerte.*
[Die Zeit, 10.10.2012]
‘Я помню, как она всегда пряталась, когда шел дождь, сверкала молния и **гремел** гром’.
- b. *Niemals, donnerte Stararchitekt Peter Zumthor; dürfe sein Werk in die unwürdigen Hände dieses Finanzjongleurs fallen!* [Die Zeit, 20.02.2012]
‘Никогда, — **гремел** популярный архитектор Петер Цумтор, — его творение не попадет в руки этого финансового жонглера!’

Звук, возникающий при трении частей объекта и свидетельствующий о его плохом функционировании (ср. о звуке дверей с несмазанными петлями), метафорически переинтерпретируется как хриплый голос (прежде всего старого человека), ср. рус. *скрипеть*, нем. *knarren*. Подобный голос может также отражать определенное эмоциональное состояние — раздражение, возмущение и под., ср. для французского *grincer*:

ФРАНЦУЗСКИЙ

- (19) *On n’entendait que la voix de crécelle de Laure Provençal qui grinçait d’indignation.*
(GUÈVREMONT, *Survenant*, 1945, p. 136) [TLF]
‘Слышен был только голос болтушки Лоры Провансаль, скрипящий от возмущения’.

Дискретные звуки, состоящие из часто повторяющихся квантов, могут развивать значение быстрой речи: такой переход характерен для русского *тарахтеть* (в исходном употреблении, например, о повозке, едущей по неровной дороге) и коми-зырянского *tarkedčunu* ‘стучать’ (исходно о стуке в дверь, о частом стуке зубами при ознобе).

Среди неприятных физиологических ощущений звуковые метафоры описывают в основном боль в голове, ушах или в животе (см. типологический обзор этой модели перехода в Reznikova et al. 2012, ср. также семантические сдвиги в эту область от глаголов звуков животных, обсуждавшиеся в основной части монографии). В зоне артефактов наиболее распространенным метафорическим источником для неприятного ощущения в ушах

⁵ К производным значениям в случае звуковых метафор относятся, конечно же, и звуки различных механизмов и устройств, которые мы рассматривали отдельно — в одном ряду с прочими неодушевленными объектами.

является звук колокола: такой переход представлен, например, в русском *звенеть* (*звенели монастырские колокола* → *в ушах звенело*), французском *tinter* (*la grosse cloche de l'église tintait* [TLF] 'звонил большой колокол церкви' → *les oreilles me tintent* 'у меня звенит в ушах'). Боль в голове может выражаться через глаголы, обозначающие гулкий звук ветра, ср. в русском *гудеть* (*ветер гудит в трубе* → *голова гудит*), в немецком *dröhnen* (*der Wind dröhnte im Schornstein* 'ветер гудел трубе' → *mein Kopf dröhnte* 'моя голова гудела').

Незвуковые метафоры отличаются большим разнообразием значений. Они мотивируются не самим звучанием, а ситуацией, при которой этот звук возникает — идеей падения, деформации и под. Тем самым зона областей-источников в данном случае гораздо шире, чем для чисто звуковых метафор — это и обуславливает большее разнообразие моделей переходов. Приведем несколько примеров незвуковых метафор.

Для ситуации падения простейшим механизмом метафорического переосмысления является замена типа падающего объекта: если в исходном употреблении глагол отсылает к неодушевленному объекту, то применение его к объекту, называемому одушевленное лицо, образует метафору. Так, в коми-зырянском глагол *br'ingys'nu* обозначает звук при падении маленького металлического предмета. Но в контексте этого глагола может выступать и одушевленный актанта: в этом случае глагол описывает падение пьяного человека. Таким образом, при замене типа актанта происходит метафорический сдвиг глагола, и мотивируется он сходством исходной и производной ситуации: в обоих случаях имеет место падение объекта.

Пример более сложного перехода, также основанного на ситуации падения, представляет русский глагол *греть*. Как уже отмечалось выше, этот глагол исходно выражает звук грома, а также звуки при соударении различных предметов (например, посуды, см. 20а). Частным случаем соударения является удар при падении, поэтому метонимически *греть* может отсылать и к падению. На формальном уровне метонимический переход маркируется инхоативным префиксом *за-* и локативной направительной группой, см. (20b).

русский

- (20) а. *Было слышно, как внизу разговаривают и **гремят** посудой Васена и Юлия Михайловна.* [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)]
 б. *Платьем она зацепила прислоненную к двери гладильную доску, доска **загремела на пол.*** [Е. И. Замятин. Наводнение (1929)]

Но далее метонимическое значение может претерпевать последующее метафорическое переосмысление. В этом случае в позиции локативной направительной группы выступает наименование места или организации, попадание в которые нежелательно для субъекта и подразумевает относительно длительное пребывание (ср. тюрьма, армия, больница). Тем самым семантика глагола существенно изменяется: он обозначает уже не падение, а попадание в это неприятное место. Но именно падение, вызывая представление о нежелательности ситуации, служит здесь основой метафорического переноса.

русский

- (21) *Леше тогда было тринадцать лет, он как сын врага народа тоже **загремел в лагерь.*** [Дина Рубина. На солнечной стороне улицы (1980–2006)]

Мы привели несколько примеров метафор, мотивированных идеей падения. Рассмотрим теперь переносы, источником для которых служат разные виды деформации. По нашим данным, здесь выделяются два основных класса переходов. В первом случае метафорическое сходство касается самого действия деформации, во втором — его результата. Примером первого класса может служить коми-зырянский глагол *čažvartny*, обозначающий звук при разрывании бумаги или ткани. Метафорически он описывает человека, делающего резкие движения при игре на гармони (как бы разрывая гармонию). Здесь перенос основан на визуальном сходстве действий субъекта в двух ситуациях — исходной и производной.

Второй класс случаев базируется на сходстве результата деформации. Так, немецкий глагол *knacken* обозначает звук, возникающий при нарушении целостности объекта (ср. выше пример 16). Среди прочих типов объектов этот глагол может описывать звук, сопровождающий раскалывание скорлупы ореха. Результатом этого действия является не только расколота скорлупа, но и освобождаемый от скорлупы орех. И именно идея вскрытия, которое имеет целью достать что-л. ценное, и служит в данном случае основой для метафорического переноса: *knacken* в производных контекстах используется в значении ‘вскрыть, взломать’, и его объектами выступают существительные ‘замок’, ‘дверь’, ‘сейф’ и под.

Приведенные случаи незвуковых метафорических сдвигов довольно разнообразны. Очевидно, что если выявление базовой структуры семантического поля, как правило, оказывается возможным и на небольшой языковой выборке (ср. Рахилина, Резникова 2013), то для аккуратного описания метафорических моделей требуется привлечение гораздо более обширного языкового материала. Но все же, как мы надеемся, уже на данном этапе исследования нам удалось обозначить некоторые ключевые тенденции в развитии переносных значений.

5. Выводы

В данном разделе речь шла об одной подгруппе глаголов звука, а именно, о глаголах звучания неодушевленных объектов. Их особенности связаны с базовым свойством источника: неодушевленные предметы обычно производят звуки не сами по себе, а звучат в результате внешнего воздействия — в ситуации, в которую они вовлечены. Этот экстралингвистический факт определяет множество разных лингвистических свойств исследуемых глаголов.

Во-первых, способ описания звука зависит от того, что происходит с объектом-источником, то есть тип ситуации является одним из ключевых параметров, организуя структуру лексических противопоставлений в данной зоне.

Во-вторых, смежность звука с физическим действием влечет за собой развитие метонимических употреблений, и типологические данные позволяют проследить механизм таких переходов. В частности, с точки зрения семантической теории важно, что метонимический переход может отражаться не только в синтаксисе (за счет изменения аргументной структуры), но и в морфологии (средствами словообразования).

В-третьих, смежность с физическими действиями расширяет круг метафорических употреблений: метафоры могут развиваться на основе не только особенностей звучания, но и неакустических свойств ситуации, сопровождающейся этим звуком. Таким образом, детальное исследование глаголов звучания неодушевленных объектов может способствовать более точному анализу ряда близлежащих зон — глаголов разрушения, падения и т. д.

Список условных сокращений

2,3 — 2,3 лицо; ACC — аккузатив; DETR — понижающая актантная деривация; GEN — генитив; ILL — иллатив; INF — инфинитив; IMPV — имперфектив; LOC — локатив; NPST — непрошедшее время; OBJ — объект; OBL — косвенная основа; POSS — посессивное склонение; PRG — причастие; PST — прошедшее время; SG — единственное число; TR — повышающая актантная деривация.

Источники

Немецкий язык

COSMAS II. Corpus Search, Management and Analysis System: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/>
Duden (1999): Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 10 Bänden. 3. Auflage. Mannheim, Dudenverlag.

DWDS. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften: <http://www.dwds.de>.

Wortschatz Leipzig: <http://wortschatz.informatik.uni-leipzig.de>.

Французский язык

Le Grand Robert: Le Grand Robert de la langue française. Version électronique (deuxième édition) dirigée par Alain Rey du Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française de Paul Robert. 2005.

TLF: Le Trésor de la langue française informatisé: <http://atilf.atilf.fr/>.

Русский язык

MAC: Словарь русского языка в 4-х томах (М., Русский язык, 1999. Т. 1—4). Электронная версия: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>.

НОСС 2004: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск, под общим руководством Ю.Д. Апресяна. Москва, Языки славянской культуры.